

Конкурирующие стратегии: Российская Федерация против ЕС и США в Грузии и Украине

Давид Мацаберидзе

Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, Грузия,
<https://www.tsu.ge>

Аннотация: В статье анализируется формирование и трансформация постсоветского мышления в сфере безопасности Грузии и Украины в контексте постсоветской внешней политики России в ближнем зарубежье, которое часто называют *законной сферой* российского влияния, а также конкуренция между Россией, ЕС и США в регионе. После Революции роз в Грузии и Оранжевой революции в Украине независимая/прозападная ориентация этих двух стран стала ключевым вопросом безопасности для Российской Федерации. Соответственно, сохранение территориальной целостности стало главным вопросом безопасности для Грузии (с начала 1990-х гг.) и для Украины – после оккупации Крыма (март 2014) и возобновления вооруженных действий на всей территории Украины в феврале 2022 г. Изменения во внутренней политике этих стран были перенесены на международное соперничество России с ЕС и США, что выразилось в столкновении парадигм «суверенной демократии» и «цветных революций» для будущего постсоветских государств в 2010-е гг. и трансформировалось в активные военные действия в Украине в 2020-х гг. и так называемую ползучую аннексию Грузии с 2010-х гг. На практике это инструменты сохранения российского влияния, с одной стороны, и противодействия западным ценностям и силовому влиянию, продвигаемым, во-первых, посредством Европейской политики соседства и проектов Восточного партнёрства, и во-вторых, предоставлением Украине статуса кандидата в 2022 г. Военные действия России против Грузии (2008 г.) и Украины (2014-2023) — ответ на мягкую силу Запада — направленный на создание буферных зон в виде «замороженных конфликтов», которые можно было бы использовать как косвенный рычаг Российской Федерации для блокирования прозападных устремлений Грузии и Украины.

Ключевые слова: Грузия, Россия, Украина, Европейский Союз, США, европейская безопасность, внешняя политика.

Вступление

В статье анализируется формирование и трансформация постсоветского мышления в сфере безопасности Грузии и Украины в контексте постсоветской внешней политики России в ближнем зарубежье, которое часто называют *законной сферой* российского влияния, а также конкуренция между Россией, ЕС и США в регионе. В ней представлена панорама российской внешней политики в постсоветский период на пространстве бывшего Советского Союза с начала 1990-х гг. и до настоящего времени, где независимая прозападная ориентация Грузии и Украины стала ключевым вопросом безопасности для Российской Федерации. Соответственно, сохранение территориальной целостности стало главной проблемой безопасности для Грузии (с начала 1990-х гг.) и Украины – после оккупации Российской Федерацией Крыма и последующих событий на востоке Украины и за его пределами с февраля 2022 г. Можно утверждать, что постсоветское мышление России и Грузии с Украиной в области безопасности (после «бархатных революций») представляет собой игру с нулевой суммой. Представления Грузии и Украины о безопасности связаны с их внешнеполитическим выбором – присоединение к западным политико-экономическим и военным блокам (ЕС и НАТО), что раздражает Россию, поскольку это выведет эти две страны из её орбиты – Евразийского экономического Союза (ЕАЭС) – и приведёт к ликвидации буферных зон с ЕС и НАТО.

В исследовании рассмотрены основные направления российской внешней политики после распада Советского Союза, основанные на православной геополитике, как нарративе, легитимирующем её подлинную сферу влияния на территории бывшего СССР, с одной стороны, и нарративе виктимизации России и русских Западом после распада СССР, с другой. Эти парадигмы вписываются в рамки наступательного¹ и оборонительного реализма,² что формирует картину несогласия России со своим статусом второразрядной страны, какой она стала после окончания Холодной войны и распада Советского Союза. В этой связи будет в деталях деконструировано очевидное столкновение западной либеральной демократии с русским православием во внешней политике РФ. Революция роз и Оранжевая революции в Грузии и Украине, за которыми последовали, во-первых, Соглашение об ассоциации и Соглашение об углубленной и всеобъемлющей свободной торговле, а во-вторых, статус кандидата в ЕС, рассматриваются как основные проблемы безопасности Российской Федерации, в то время как Грузия и Украина видят в них шанс покинуть геополитическую ось России. Парадоксально, но российско-украинская война приблизила Украину к Западу (ЕС и США), что, наряду с военно-экономической поддержкой, материализова-

¹ John J. Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics* (New York: W.W. Norton, 2001).

² Kenneth N. Waltz, *Theory of International Politics* (New York: McGraw Hill, 1979).

лось в предоставление стране статуса кандидата в ЕС в 2022 г. на фоне жесточайшего военного конфликта с Россией. С другой стороны, Грузия внешне имеет нормальные мирные отношения с Россией «благодаря» политике правящей партии «Грузинская мечта» и её неформального лидера, бывшего российского магната Бидзины Иванишвили. Из-за обвинений олигархического и коррумпированного правительства Бидзины Иванишвили и его партии «Грузинская мечта» Грузия не смогла получить статус кандидата в ЕС в 2022 г. Очевидно, в политических кругах Брюсселя и Вашингтона существуют обоснованные опасения, что Грузия постепенно приближается к Северной орбите, о чём свидетельствует провал проекта глубоководного морского порта Анаклия на черноморском побережье Грузии и отказ от документа, заключенного при посредничестве президента Европейского совета Шарля Мишеля между правительством и оппозиционными политическими партиями, о нормализации внутренней политики в Грузии.

В статье отражена реакция России на изменения в ближнем зарубежье с начала 1990-х гг., во время «бархатных революций» до войн с Грузией в 2008 г. и Украиной в 2014-2023 гг. Во второй часть исследования контекстуализированы основные направления трансформации российской внешней политики в ближнем зарубежье в процессе стремления Грузии и Украины к членству в ЕС и НАТО. В связи с этим в статье указаны основные инструменты, с помощью которых Россия успешно блокирует этот процесс. Наконец, исследование рассматривает российско-грузинские и российско-украинские конфликты сквозь более широкую призму постсоветских противоречий России с Западом. Статья завершается описанием для каждого взаимодействия упомянутых выше игроков мышления и мотиваций безопасности каждой страны в то или иное время.

Реакция России на изменения в «ближнем зарубежье»

Приход национально-освободительного движения к власти в Грузии в начале 1990-х гг. и победа прозападных сил после Бархатных революций в постсоветских Грузии и Украине (начало 2000-х) рассматривались Москвой как триумф националистов в Тбилиси и Киеве. Соответственно, Кремль рассматривал сквозь призму безопасности дискуссии о национальных меньшинствах в Грузии (абхазы и южные осетины) и русскоязычном населении Восточной Украины. В 1990-е гг. удалось избежать реальной угрозы раздела Украины на Восток и Запад, но в Грузии произошли два конфликта в автономных регионах, населённых меньшинствами, в 1992-1993 гг. и полномасштабная война с Россией в 2008. Гражданская война в начале 1990-х и сепаратистские конфликты в Абхазии и Южной Осетии вынудили Грузию присоединиться к СНГ в обмен на стабилизацию страны и замораживание конфликтов на 20 % территории страны. В отличие от Грузии, хотя Украине

и удалось избежать кровавого начала постсоветского перехода в 1990-х гг.³, Майдан и Революция достоинства 2014 г. ввергли страну в хаос и войну на востоке Украины, где Россия поддержала сепаратистов в Луганской и Донецкой областях, чему предшествовала полная оккупация Крыма Россией. Цена прекращения войны, которую Путин ведёт на территории бывшего СССР, дорого обходится Украине, сводя на нет её прозападные устремления. И Грузия, и Украина не оставляют стремления вступить в ЕС и НАТО. Однако фактическим результатом для каждой из них пока стало подписание Соглашения об ассоциации и различных форматов сотрудничества с НАТО, как промежуточных шагов к Плану действий по членству (ПДЧ).⁴

В чем здесь главная проблема для России? Во-первых, «Советский Союз просто перенес Российскую Империю в XX век, а попытки государственного строительства таких российских руководителей, как Путин, тоже стали заложниками predetermined пути [...] Имперская Россия и Советский Союз произвели схожую смесь авторитаризма, военной экспансии и защитной паранойи».⁵ Революция роз и Оранжевая революция в Грузии и Украине встревожили Москву. Это были самые первые сигналы будущего расширения ЕС на восток и заинтересованности США. В политический лексикон вошёл термин «суверенная демократия», как ответ Москвы на демократические «цветные революции» в постсоветских государствах.⁶ За термином «суверенная демократия» стоит конкретный человек – бывший вице-премьер и близкий советник Путина Владислав Сурков, который изложил свои взгляды в работе «Национализация будущего: параграфы pro суверенную демократию», которые можно резюмировать так: «стремление к политической целостности и централизованной власти, идеализация целей, и персонафикация политики». «Россией управлял правящий класс с сильным патриотическим видением развития страны, несомненно, опиравшийся на давнюю традицию национального самоутверждения в противостоянии реальным и предполагаемым врагам».⁷ Тут очевидно столкновение двух взаимоисключающих идеологий: либеральной демократии Запада, продвигаемой в ближнем зарубежье России посредством «бархатных революций», и «суверенной демократии» России.

Несомненно, «бархатные революции», начавшиеся в Сербии и распространившиеся на территории бывшего СССР, включая Кыргызстан в Цен-

³ Этому можно найти целый ряд объяснений, начиная с наследия элит и заканчивая их политикой балансирования в отношениях с Россией и ЕС.

⁴ Необходимо также признать наличие внешних ограничений, которые обуславливают осторожность политики расширения ЕС и НАТО.

⁵ Christopher Leigh, "Back to the Future? Pre-Soviet History and Political Thought in the Putin Era," in *Post-Soviet Politics: Politics, Foreign Policy and Strategic Competition*, October 3, 2013.

⁶ Leigh, "Back to the Future?"

⁷ Leigh, "Back to the Future?"

тральной Азии, встревожили Москву. Ещё больше раздражало Россию признание независимости Косово, которое ясно продемонстрировало провал православной парадигмы Кремля. Россия не смогла протянуть руку помощи Сербии еще в 1999-2000 гг., во время бомбардировок НАТО. «Бархатные революции» стали событиями, спровоцировавшими постепенную трансформацию российской внешней политики в открытую агрессию по отношению к ближнему зарубежью. 18 апреля 2014 г., обращаясь к российскому парламенту, президент Путин оправдал аннексию Крыма, сославшись на унижение, которое Россия пережила из-за многочисленных невыполненных обещаний Запада, включая обещание якобы не расширять НАТО за пределы границ объединённой Германии. Подчеркивалось, что «в течение 20 лет рассказы о якобы «нарушенном обещании» не расширять НАТО на восток являются неотъемлемой частью постсоветской идентичности России».⁸ Как признает старший научный сотрудник и директор Брукингского информационного проекта Брюс Ридель, «Стратегическая цель Владимира Путина — устранить результаты поражения Советского Союза, достигнутого в результате тайной поддержки ЦРУ афганских моджахедов в 1989 г. [...] для Путина это была «величайшая геополитическая катастрофа столетия»».⁹ В 2009 г. Горбачёв тоже вспоминал, что «ФРГ, США [...] после воссоединения Германии в 1990 году обещали мне, что НАТО не продвинется на Восток ни на один сантиметр»,¹⁰ а в 2007 г. на Мюнхенской конференции Путин подчёркивал: «Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы [...] никак не реагируем на эти действия».¹¹ В более широкой перспективе, если реальные намерения России в 2008 г. прикрывали предлогом защиты меньшинств в Цхинвальском регионе (ранее, в советское время – Южная Осетия), как утверждал тогда президент Путин, агрессия в Украине в 2014 и 2020-22 гг. была актом мести самого Путина за прошлые унижения.

Реванш России: Блокирование движения Грузии и Украины к ЕС и НАТО?

Реванш России имеет два измерения: практическое и идеологическое. Первое отметил Комитет оборонного планирования НАТО: «Способность и намерение России предпринимать значительные военные действия без

⁸ Michael Rühle, “NATO Enlargement and Russia: Myths and Realities,” *NATO Review*, July 1, 2014, <https://www.nato.int/docu/review/articles/2014/07/01/nato-enlarge-ment-and-russia-myths-and-realities/index.html>.

⁹ Justin Lynch, “Putin’s Machiavellian Moment,” *The Weekly Wonk*, July 24, 2014, accessed September, 2014, <http://weeklywonk.newamerica.net/articles/putins-machiavellian-moment/>.

¹⁰ Andreas M. Bock, “Too Blind to See the Threat We Pose to Russia ...,” *European Union Foreign Affairs Journal*, no. 3 (2014): 45-56, 50.

¹¹ Bock, “Too Blind to See the Threat We Pose to Russia ...,” 50.

особого предупреждения представляют далеко идущую угрозу сохранению безопасности и стабильности в евроатлантической зоне»,¹² а второе резюмировал Александр Дугин, который пишет о столкновении цивилизаций и опасности для российского православия в современную эпоху, увязывая католическую экспансию с расширением НАТО:

Здесь геополитический смысл сложнее. Католицизм символизирует Европу, так же, как Православие – Россию. Провоцируемый конфликт препятствует развитию российско-европейских отношений [...] Кому это выгодно? Не Европе, не России, не Ватикану, не Русской Православной Церкви. Только США. Мы – за диалог с католичеством, но в данном случае это не диалог, а провокация, аналогичная расширению НАТО на Восток.¹³

Россию особенно оскорбило решение ряда бывших советских республик и «союзников» в Восточной Европе вступить в НАТО и ЕС (это два очень разных «образования» в глазах России, с точки зрения восприятия угрозы и приемлемости), а также поддержка США прозападных правительств в таких странах, как Грузия и Украина.¹⁴ Оранжевая революция в Украине и Революция роз в Грузии привели к власти элиты, видевшие будущее своих стран в ЕС и НАТО. Именно потому, что процессы расширения двух организаций не задуманы как антироссийские проекты, они являются открытыми и, как ни парадоксально, неизбежно будут восприниматься Россией как постоянное посягательство на её статус и влияние.¹⁵ В этом заключается главная угроза безопасности российского государства: с вступлением Грузии и Украины в ЕС и НАТО исчезнут так называемые «буферные зоны» между Россией и Западом, а военный блок станет граничить с самой Россией.

Таким образом, если августовская война 2008 г. была попыткой России помешать стремлению Грузии вступить в НАТО и ЕС или по крайней мере сделать его расплывчатым обещанием на будущее, то нападение на Украину в 2022 г. раскрывает истинное желание и более широкие намерения Путина. Если на начальном этапе в 2014-2015 гг. войну с Украиной можно было рассматривать как «воссоединение русских земель и русских душ, отражающее процесс воссоединения Германии в 1990 г., и [...] национального восстановления, влекущий своеобразный пересмотр постсоветского геополитического урегулирования»,¹⁶ то крупномасштабная агрессия, развязанная

¹² Bock, "Too Blind to See the Threat We Pose to Russia ...," 52.

¹³ Leigh, "Back to the Future?"

¹⁴ Thanos Dokos, "How the EU Got It So Wrong in Ukraine," *Friends of Europe*, April 24, 2014, <https://www.friendsofeurope.org/insights/how-the-eu-got-it-so-wrong-in-ukraine/>.

¹⁵ Rühle, "NATO Enlargement and Russia."

¹⁶ Roberto Orsi, "The Irreversible Crisis of the Ukrainian Experiment," *Eurocrisis in the Press Blog* (London School of Economics and Political Science, May 12, 2014), <https://blogs.lse.ac.uk/eurocrisispress/2014/05/12/the-irreversible-crisis-of-the-ukrainian-experiment/>.

в 2022 г., очевидно, была направлена на смену режима в Киеве. Два случая военной агрессии в постсоветской внешней политике России в Грузии (в 2008 г.) и Украине (в 2014 и 2022 гг.) можно рассматривать как месть за унижение России в начале 2000-х гг. и укрепление её влияния в законной зоне своих стратегических интересов – так называемом «ближнем зарубежье». Учитывая тот факт, что бомбардировки Сербии НАТО были восприняты в российских внешнеполитических кругах как катастрофическое унижение, Путин намерен восстановить мощь России и завоевать уважение на мировой арене.¹⁷ Совершенно очевидно, что в 2008 г. Россия попыталась использовать де-факто независимость Косово после вмешательства НАТО в качестве оправдания для международного признания Абхазии и Южной Осетии. Во время войны между Россией и Грузией в 2008 г. Путин ясно дал понять, что готов использовать военную силу для достижения внешнеполитических целей.¹⁸ Очевидно, что оккупация Крыма и Абхазии/ Южной Осетии — относительно схожие события и новые проблемы в качественном плане, но ликвидировать их результаты в Крыму будет гораздо труднее, чем в Абхазии или Южной Осетии, учитывая наличие там этнических русских. Однако это будет зависеть от решимости стран Запада противостоять новой военной политике Российской Федерации в ближнем зарубежье. В данный момент Российская Федерация занята упрочением своей власти в так называемых Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) народных республиках на востоке Украины, поскольку при поддержке Украины Западом и США задача захватить Киев и навязать Украине пророссийский режим во главе с Виктором Януковичем (как планировалось) стала нереальной.

Основная цель России – создание буферных зон между Российской Федерацией и странами-членами ЕС и НАТО – успешно достигается за счёт создания замороженных или могущих быть замороженными конфликтов в Грузии и Украине, соответственно. Тем временем стремление Грузии и Украины к фактическому членству в ЕС и НАТО «блокируется». Как показывает опыт некоторых стран, между статусом кандидата в ЕС и фактическим членством в ЕС проходит долгий промежуток времени, тогда как при вступлении в НАТО Финляндии и Швеции от механизма Плана действий по членству (ПДЧ) официально отказались. Отныне любое упоминание ПДЧ как единственного пути к вступлению в НАТО воспринимается как лицемерие. Либо кто-то готов к НАТО, либо нет! Слова о том, что это может обидеть или спровоцировать Россию, также крайне лицемерны! Доверие к НАТО будет проверено его обязательством принять Грузию и Украину в ближайшее время. Это также станет главной задачей американских политиков в более широком регионе Южного Кавказа, где Грузия находится в приоритете, по-

¹⁷ Leigh, “Back to the Future?”

¹⁸ Dokos, “How the EU Got It So Wrong in Ukraine.”

сколькx две другие страны региона – Армения и Азербайджан (плюс Беларусь на восточной границе ЕС) – чётко выбрали российскую военную и экономическую орбиту.

Именно в этом контексте следует рассматривать августовскую войну 2008 года и украинский кризис 2014-2022 гг. По словам Висена Четеряна, международное соперничество было главной причиной августовской войны и основным источником нестабильности на Кавказе – результатом «растущих трений (и соперничества), военного и экономического, двух крупнейших держав – США и России».¹⁹ Это справедливо и для последующих событий в Украине, которая стала основным полем соперничества между Российской Федерацией и Западом: введённые санкции, военное развертывание и экономическая помощь Украине подтверждают это утверждение.

Пример Грузии

Я бы сказал, что к изменениям в зонах конфликта в Грузии привели не события, произошедшие до августа 2008 г., а скорее преднамеренные действия всех сторон, приведшие к изменению их союзнических отношений. Можно привести и более широкий предлог для августовской войны, уходящий корнями в 2001 год. «Что действительно изменило ситуацию, так это смена администрации в России в следующем году. Владимир Путин пришёл к власти и постепенно начал политику наказания Грузии, прекращения изоляции Абхазии и изменения баланса сил в конфликте», — утверждает де Ваал.²⁰ Рональд Асмус добавляет, что «Москва была мало заинтересована в разрешении этих конфликтов, что могло бы позволить Грузии быстрее пойти на Запад»,²¹ разделяя мнение, что открыто прозападный, проевропейский и пронатовский курс правительства «Революции роз» вызывал особую тревогу в Москве, поскольку Россия не могла терпеть окружения странами-членами НАТО. По мнению Асмуса, августовская война стала началом длинной цепочки, направленной не только против Грузии или на смену режима в стране; скорее она была нацелена на подрыв европейской безопасности: «Всё более националистическая и реваншистская Россия восставала против европейской системы, которая, по её мнению, больше не соответствовала её интересам и была навязана ей в момент временной слабости».²² Августовская война была не проблемой самой Грузии, а полигоном

¹⁹ Vicken Cheterian, “The Big Re-freeze – Has the Regional Balance of Power Merely Cooled into a Different Configuration?” (London: International Institute for Strategic Studies, 2011), по состоянию на 17 мая 2011, www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/about/georgian-russian-dialogue/caucasus-security-insight/vicken-cheterian/the-big-re-freeze/.

²⁰ Thomas de Waal, *The Caucasus: An Introduction* (Oxford University Press, 2010), 166.

²¹ Ronald D. Asmus, *A Little War that Shook the World: Georgia, Russia, and the Future of the West* (New York: Palgrave Macmillan, 2010), 4.

²² Asmus, *A Little War that Shook the World*, 4.

для будущих действий в Европе, поскольку «посредством августовской войны России удалось одержать победу над более сильными конкурентами в своём самом нестабильном и уязвимом приграничье – на Кавказе».²³

Россия тогда даже не скрывала своих намерений. Представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин отмечал, что «как только Грузия получит от Вашингтона какую-то перспективу [в плане] членства в НАТО... на следующий день начнется процесс реального отделения этих двух территорий от Грузии».²⁴ Это косвенное свидетельство того, что Россию устраивал статус замороженных конфликтов, пока со стороны Грузии не было реальных устремлений к евроатлантическим структурам. Как только правительство Саакашвили открыто встало на прозападный путь для обеспечения большей безопасности страны и поиска возможных решений проблем сепаратизма в Грузии через западные институты, необходимость немедленных действий в зонах конфликта против грузинского правительства стала очевидной для Москвы. Разрешение этих конфликтов было главной предпосылкой членства Грузии в НАТО. Следовательно, использование сепаратистских территорий против Грузии принесёт России желаемую цель – противостоять прозападным, антироссийским устремлениям правительства Грузии. Военная интервенция была последней мерой, предпринятой Российской Федерацией против Грузии. Отношение нынешнего правительства «Грузинской мечты» к России и Западу – отсутствие проблем с Россией и торможение движения к евроатлантическим структурам – при активной антизападной риторике крайне правых группировок в Грузии отвечает интересам Российской Федерации, пока та занята войной в Украине. Россия активно действует в Грузии посредством своей политики ползучей аннексии за пределы административных границ в Цхинвальском регионе, постоянно создавая проблемы для населения, проживающего в близлежащих сёлах, тогда как реакция центральных грузинских властей пассивна, если не считать информирования Миссии наблюдателей Европейского Союза (МНЕС) в Грузии и вынесения этого вопроса на Женевские международные дискуссии по Грузии.

Пример Украины

Аналогичные рассуждения можно привести и для действий России в Украине. Основные мотивы таковы: «за политикой Кремля в отношении Украины стоят внешнеполитические проблемы, особенно опасения по поводу

²³ Ronald G. Suny, "Russia has Taken on Its Powerful Competitors for the First Time Since 1991" (London: International Institute for Strategic Studies, 2011), по состоянию на 17 мая 2014, <http://www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/about/georgian-russian-dialogue/caucasus-security-insight/ronald-suny/a-watershed-in-east-west-relations/>.

²⁴ David J. Smith, "The Saakashvili Administration's Reaction to Russian Policies Before the 2008 War," в *The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia*, ed. Svante E. Cornell and S. Frederick Starr, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program Joint Center (New York: Routledge, 2009), 125.

установления более тесных связей Украины с Европой в целом и НАТО в частности».²⁵ Появление Соглашения об ассоциации и Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли, за которыми последовала Революция достоинства и смена правительства в Киеве, стали первой звонком для Москвы в 2013 году, подтолкнув её к захвату Крыма, а затем к расширению своей военной деятельности на восток Украины в 2014 г. после того, как парламент отстранил от власти президента Виктора Януковича 22 февраля 2014 г. Можно утверждать, что быстрые действия России, сначала в Крыму, а затем на востоке Украины, были обусловлены удивительным успехом Майдана и продвижением программы «Восточное партнёрство» к Соглашению об ассоциации, которое Россия рассматривала как ступеньку на пути к таким организациям, как ЕС и НАТО, в чьём расширении на восток российские службы безопасности видели серьёзную угрозу.²⁶ Однако некоторые эксперты обвиняют сам ЕС в том, что он дал России «карт-бланш» в отношении Украины. В этой связи они указывают на личную дружбу Герхарда Шрёдера и Владимира Путина, что позволило последнему заключить международное соглашение о строительстве газопровода «Северный поток» для транспортировки природного газа по дну Балтийского моря из России напрямую к немецкому газовому хабу в Грайфсвальде, фактически в обход Украины, что вело к её геополитической нестабильности (материализовавшейся с большой пунктуальностью).²⁷ В этом контексте можно ли говорить о столкновении двух систем безопасности – ЕС и России – при разработке проектов диверсификации энергобезопасности, реализуемых в странах бывшего СССР – Грузии и Украине? И если да, то как смогут проекты ЕС и США по продвижению либеральной демократии противостоять энергетической и военной политике России? События 2022 года в Украине и смена кабинета министров и канцлера в Германии полностью изменили баланс в пользу ЕС против России, начиная с отказа ЕС от сертификации газопровода «Северный поток» и мер, ведущих европейских стран по уменьшению зависимости от российских энергоносителей, в первую очередь за счёт увеличения поставок газа из Азербайджана.

Время разное, итоги похожи

Каковы в этой связи дальнейшие проблемы для Грузии и Украины на региональном уровне, и для ЕС и США, на международном? Во-первых, существует проблема территориальной целостности. Ключ к прекращению нарушений границ находится в Кремле. В поисках выхода из гражданской войны

²⁵ Timothy Frye, “A Tale of Two Russian Narratives,” *Perspectives on Peace & Security* (Carnegie Corporation of New York, August 2014), <https://perspectives.carnegie.org/us-russia/a-tale-of-two-russian-narratives/>.

²⁶ Robert McMahon, “Ukraine in Crisis,” *Council on Foreign Relations*, updated August 25, 2014, <https://www.cfr.org/background/ukraine-crisis>.

²⁷ Orsi, “The Irreversible Crisis of the Ukrainian Experiment.”

и постоянных поражений в войне в Абхазии Грузия в декабре 1993 г. вступила в Содружество Независимых Государств (СНГ). Опасаясь, что Россия признает независимость сепаратистских регионов, Грузия в той или иной степени учитывала интересы России до 2008 г., согласовывая свою внутреннюю и внешнюю политику. Украина тоже изначально была готова рассмотреть варианты присоединения к Евразийскому Экономическому Союзу, если это обеспечит мир на востоке Украины. Однако из-за негативного опыта Украина и европейские страны не доверяли России. Как и у Грузии в 1990-х гг., у них сейчас выбор между плохим и худшим – между глубоко замороженным конфликтом на границе Европы или тотальной эрозией европейской системы безопасности. События, произошедшие после 2022 г., делают реальным первый сценарий, по которому России удастся использовать в интересах своей безопасности национальные меньшинства в ближнем зарубежье – абхазов и южных осетин в Грузии и русских в Украине. Предполагаемые мотивы начала 1990-х гг. – защита национальных меньшинств в соседней Грузии – закреплены в концепции национальной безопасности. Та же политическая линия будет применена к Украине в 2022 г., с предоставлением российского гражданства жителям оккупированных территорий: Россия будет защищать своих граждан в любой части мира любыми необходимыми средствами. С этой целью Путин инициировал изменения в Концепции безопасности РФ. Таким образом, свобода действий России в ближнем зарубежье накладывает некоторые ограничения на выбор ЕС – протянуть руку помощи своим партнёрам на территории бывшего СССР. Тем не менее, начиная с 2022 г., решимость ЕС поддержать Украину в экономическом и военном отношении под руководством США и Великобритании в конечном итоге меняет эту политическую линию ЕС, а продолжающаяся трансформация его внутренней и внешней политики сигнализирует о постепенном переходе от «спокойной сверхдержавы»²⁸ к роли более активного игрока мировой политики.

Столкновение российской и западной парадигм

Грузия и Украина – не главные цели России, а инструменты для получения рычагов воздействия на Запад. Это не такое столкновение между Россией и Западом, как в 2008 и 2014 гг., или открытая агрессия против Украины 2022 г., а выражение более широкого постсоветского противоречия двух основных парадигм: ортодоксальной православной геополитики России в бывшем СССР и поддержки либеральной демократии и западных ценностей ЕС и США. Качественно, это инструменты сохранения российского влияния, с одной стороны, и распространения западных ценностей и силы на территории бывшего СССР, с другой. России удалось вынести «этнические» проблемы за пределы своих границ – в Абхазию и Южную Осетию в 1990-е

²⁸ Andrew Moravcsik, "Europe: The Quiet Superpower," *French Politics* 7, no. 3/4 (September-December 2009): 403-422, <https://doi.org/10.1057/fp.2009.29>.

годы и Чечню в начале 2000-х годов, тогда как августовская война 2008 года сигнализировала о переходе внешнеполитического подхода России к прямой интервенции, при необходимости, что повторилось в Украине в меньшем масштабе в 2014 г. и в полном объёме, как политика Российской Федерации, в 2020-23 гг.

В качестве контраргумента Запад предложил зонтик европейских ценностей тем, кто их разделяет, выдвинув такие инструменты политического сближения, как Европейская политика соседства (ЕПС) и Восточное партнёрство (ВП). Хотя эти инструменты позволили Грузии и Украине проводить успешную внешнюю политику, основанную на культурных ценностях, что постепенно привело их к уходу из русского православного лагеря, у них есть некоторые ограничения: они не дают новым партнёрам и потенциальным членам защиты от российской агрессии, что и показали 2008 и 2014 годы в случае Грузии и Украины, соответственно. Лидерство США в 2021-2022 гг. и активность ЕС усилили безопасность и сделали ЕС активным игроком в сфере безопасности на его восточном фланге. Кроме того, стремление к отдалению от России стало для Грузии «ментальной революцией», как говорил Саакашвили. Сразу после 2014 года подобное отделение казалось трудным для Украины из-за её этнического разнообразия, но оно полностью состоялось в 2020-2022 гг. При этом можно сделать один общий вывод: войнами в Грузии и Украине Россия разрушила фундамент русского православного лагеря, а значит, отношения между Россией и Украиной никогда не будут такими, как до кризиса. Тем не менее это серьёзный вызов современной системе европейской безопасности.

Однако это не только идеологическая и политическая проблема. Вышеописанная интервенция России в Грузии и Украине показывает, что Россия может легко перейти от применения мягкой силы к жёсткой, когда сочтёт это необходимым для защиты своих внешнеполитических интересов. Россия не потерпит возможной потери влияния на страны бывшего СССР. Она будет сохранять его посредством либо мягкой, либо жёсткой силы, как показали газовые войны с Грузией и Украиной после Бархатных революций 2003 и 2004 гг. (мягкая сила) и военной интервенции в Грузии в 2008 г. и Украине в 2014/2022 гг. (жёсткая сила), соответственно. Можно утверждать, что это проблемы не только Грузии и Украины, поскольку посредством этих кризисов Россия играет на уязвимой европейской периферии. В свою очередь, ЕС не смог предвидеть истинные цели России в августовской войне, получив в итоге так называемый украинский кризис, впоследствии переросший в российско-украинскую войну, которая стала вторым межгосударственным военным конфликтом в Европе после Балканских войн 1990-х гг., если считать русско-грузинскую войну 2008 г. первой. Судя по опыту первых лет российской агрессии, Запад – как ЕС, так и США – действовал более решительно при втором вторжении России в Украину и предоставил значительную военную и экономическую поддержку Киеву, превратив Украину в обширную буферную зону между Россией и Западом.

Заключение

Трансформация внешней политики России в постсоветский период в ближнем зарубежье и последующие события в Грузии и Украине демонстрируют важные общие черты. В основном это проблемы, которые были созданы, а затем использованы как вопрос безопасности в Грузии и в Украине. К ним относятся территориальная целостность и независимость Грузии в начале 1990-х гг. и её независимый внешнеполитический выбор 2000-х гг. В частности, после Революции роз Россия угрожала Грузии из-за своих постсоветских внешнеполитических или стратегических интересов в ближнем зарубежье. Те же проблемы возникли для Украины после 2004 г., когда внешнеполитический выбор Украины стал вопросом безопасности для России, в 2014 г., когда настоящей проблемой для страны стал раздел Украины, и после 2020 г., с началом неприкрытой политики прямой интервенции России в Украине.

В этом контексте очевидна эрозия русской православной парадигмы: после событий 2008 г. в Грузии и 2014-2020 гг. в Украине Россия не могла надеяться на успех православной карты, и вряд ли сможет изменить это военным путём. Можно утверждать, что войны 2008 и 2014 гг. были реакцией на успех «бархатных революций», «окружавших» Российскую Федерацию. Эти войны были направлены на изменение меняющихся международных реалий в ближнем зарубежье России. А для внутреннего «рынка» Кремль предложил концепцию «суверенной демократии» как парадигму, альтернативную проекту либеральной демократии, продвигаемому Западом и подкреплённую идеей борьбы с бандеровцами и неонацистами в Украине. Кроме того, упомянутые выше войны были не мстостью за «бархатные революции» (как признак грубого вмешательства Запада в дела ближнего зарубежья России), а реакцией на международное унижение России. Унижение началось с воссоединения Германии, продолжилось через прецедент Косово и завершилось расширением ЕС на восток до границ Украины.

Таким образом, российские военные столкнулись с мягкой силой Запада в стратегических странах Восточного партнёрства – Грузии и Украине. Россия стремилась создать буферные зоны в Грузии и Украине, иницируя «замороженные конфликты», которые можно использовать в качестве косвенного рычага в руках Российской Федерации для блокирования западных устремлений в этих двух странах. Тот факт, что и ЕС, и НАТО не готовы предоставить значимые инструменты для решения этих проблем или принять нового члена с территориальными проблемами внутри государства или с другим государством, свидетельствует о прискорбной реальности: у России есть *непрямое право вето* на политику расширения ЕС и НАТО в ближнем зарубежье (процесс вступления в НАТО стран Северной Европы посылает некоторые встречные сигналы), и она больше не терпит экспансии Запада с применением политических инструментов. Использование Россией военных действий для реализации своих интересов стало заметным благодаря вызовам безопасности на границах ЕС, где «прекращение расширения

НАТО на восток может быть предметом торга». ²⁹ Каким бы ни был итог, очевидно, что проблемы геополитики и безопасности – самые острые в восточном соседстве ЕС, и ему придется противостоять растущей риторике Российской Федерации о нежизнеспособности ООН и мирового порядка после Второй мировой войны. Этот миропорядок был ориентирован на Запад и не учитывает законные интересы других глобальных игроков современной политики, таких, как Россия и БРИКС в целом. Российское вторжение в Украину в 2022 г. сопровождалось усилением российской риторики, особенно в контексте китайско-российских дипломатических связей. По крайней мере на уровне риторики два государства сейчас пытаются создать идеологические предпосылки и единый геополитический фронт, чтобы бросить прямой вызов существующему миропорядку. ³⁰

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 22, 2023, вышел при поддержке правительства США.

Об авторе

Д-р Давид Мацаберидзе – доцент кафедры международных отношений факультета политологии Тбилисского государственного университета им. Ивана Джавахишвили, Грузия.

Электронная почта: dmatsaberidze@gmail.com

²⁹ Andreas M. Bock, “Too Blind to See the Threat We Pose to Russia,” 53.

³⁰ Angela Stent, “Russia and China: Axis of Revisionists?” (Washington, D.C.: Brookings Institution, February 2020), https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/02/FP_202002_russia_china_stent.pdf.